

новенный. Ртуть есть его мокрый элемент, а другой — магnezия, какую вряд ли встретишь в природе. И заметь, король, что белая земля зовется белым камнем; красная земля — красным. Белая земля обращается в красную без всякого прибавления. Внемли тому, что говорят философы, о, короли! Они говорят: растопи тело, кали его, пока не обратится в воду и потом пока не отвердеет» (Noefer, 1, 1866, с. 412). Подход здесь, так сказать, ровно пятидесятипроцентный: ртуть — это воздух и вода как персонификации холодного и жидкого, но зато встречающаяся в природе как вещество. Другое начало — магnezия или сера, то есть огонь и земля как персонификации горячего и сухого, но зато не существующие как тела. Принцип и тело вместе или только принцип? Их сумма есть соединение, вещественное и метафизическое сразу. Это философский камень, имеющий раз навсегда установленный магико-числовой алгоритм: магистерий произошел из одного и становится одним; или же составляется из четырех, а три заключены в одном. Первая часть формулы означает восхождение от первоматерии к квинтэссенции. Вторая часть намекает на четыре Аристотелевы первоэлемента и три алхимических начала (соль — посредническое), представляющие четыре первоэлемента в вещественном виде. Но и четыре первоэлемента и три алхимических первопринципа-первоэлемента сводимы к первоматерии, потенциально порождающей четверицу и тождественные ей двоицу и троицу.

Метафизическая чистота Серы и Ртути как принципов оборачивается на практике физической чистотой серы и ртути как веществ. Причем переход принципа в вещь мыслится через серебро и золото, принимаемые как физически и метафизически совершенные тела.

Раймонд Луллий советует оперировать над Солнцем и Луною только после обращения их в изначальную материю, которая есть сера и ртуть философов (ВСС, 1, с. 872—874).

Но вновь и вновь расплываются контуры ртути и серы как веществ, обретая абстрактный смысл, слагаемый из символотворческого почти бесплотного, физически не осязаемого материала. Джордж Рипли наставляет: «А теперь, сын мой, чтобы сказать что-нибудь о философской ртути, знай: когда ты смешаешь водку с красным мужчиной и с белой женщиной, которую называют альбифической (albifico — отбеливаю. — В. Р.), и когда они все будут соединены, составляя одно тело, только тогда ты получишь философскую ртуть» (ТС, 3, с. 821 и сл.).

Сера и ртуть, алхимический «Отче наш», от многократных повторений утрачивают первоначальную значимость. Бернар Тревисан, возвеличивая зыбкую первомаерию, умаляет статус серы и ртути, готовя их грядущий пересмотр как компонентов-принципов (ТС, 1, с. 683—709). Сера не есть вещь, отдельная от субстанции ртути. Она также не есть обыкновенная сера, потому что тогда материя металлов была бы неоднородной. Сера есть только то тепло и та сухость, которые не господствуют над холодом и сыростью ртути. Эта сера после переработки преобладает над двумя другими качествами — над холодом и сыростью, одаряя иное этими добродетелями. Все дело в степени варки. Это и обеспечивает различия